

*доктор филологических наук, профессор
Полтавского национального
педагогического
университета имени В.Г. Короленко*

ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛОШАДИ И СТАДА В ФИЛОСОФСКОЙ ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ХОЛСТОМЕР»

Повесть «Холстомер» занимает особое место в творчестве Л. Толстого и литературе в целом. Она уникальна по своему замыслу, поскольку в основе её художественной структуры – история лошади, которая сама рассказывает о своей жизни. Автор повести сознательно использовал такой приём эстетического антропоморфизма, как перенесение психических свойств человека на явления природы, в частности на животных. То, что говорящие и думающие животные встречаются в легендах, мифах, сказках, баснях, стало явлением привычным. Но в повести периода расцвета реализма, написанной автором, который по праву считается воплощением принципов реалистической поэтики, говорящий, думающий, страдающий, философствующий пегий мерин воспринимается как явление странное.

Не случайно русские формалисты указывали на необычность рассматриваемого произведения. Так, В. Шкловский ссылался на Л. Толстого, разрабатывая теорию приёма остранения. Он утверждал, что писатель пользовался этим приёмом постоянно: «Приём остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь её именем, а описывает её как первый раз виденную, а случай – как в первый раз произошедший...» [5, с. 14]. Исследователь привёл длинную цитату из повести Л. Толстого «Холстомер» в статье «Искусство как приём» в доказательство того, что писатель использовал в ней приём остранения [5, с. 14–15]. Использование этого приёма в рассматриваемой повести представляется для нас важным, потому что в нём соединяются авторские стратегии, психология персонажа и особенности их восприятия читателем. Б. Томашевский в работе «Теория литературы. Поэтика» упомянул о повести Л. Толстого «Холстомер» как о примере преломления человеческих отношений в гипотетической психологии лошади [2, с. 130]. Удачной, на наш взгляд, представляется используемая учёным «формула» – «гипотетическая психология лошади». Мы воспользовались этим определением, поскольку в современной теории психологизма соответствующих терминов для отражения психологии животного в художественном тексте явно не хватает.

В работе мы сосредоточили внимание на двух аспектах повести Л. Толстого «Холстомер»: на её философском характере и свойственном ей психологизме, поскольку в таком ракурсе она детально не анализировалась. Рассматриваемое произведение является, с нашей точки зрения, философской повестью, поскольку в нём отразились свойственная писателю житейская мудрость, его понимание смысла жизни, отношение к старости, размышления об устройстве общества, а также об отношении его членов к тем, кто состарился и уже не может приносить пользу.

Сложность толстовской повести подчёркивает тот факт, что «Холстомер» ни разу не экранизировался, в отличие от других повестей писателя 1880-х годов, таких, например, как «После бала», «Крейцерова соната», «Отец Сергий». По мотивам рассматриваемой повести режиссёр Г. Товстоногов в 1975 году поставил спектакль в Большом драматическом театре имени М. Горького, в котором роль пегого мерина сыграл Е. Лебедев. Спектакль назывался «История лошади», и это название дублировало подзаголовок произведения. Известна также опера «Холстомер», музыку и либретто к которой написал В. Кобекин.

Однако жизнь толстовской повести на сцене – предмет отдельного исследования. И в театральной, и в оперной интерпретации в роли лошадей выступают актёры, тогда как в толстовской повести главный герой – пегий мерин – персонафицирован, наделён свойствами человеческой психики, а окружающее его стадо в своём поведении напоминает человеческое общество.

Л.Н. Толстой неоднократно возвращался к написанию повести о лошади. Известно, что историю пегого рысака он впервые услышал от коннозаводчика А. Стаховича в 1856 году. Он знал, что писатель М. Стахович собирался написать повесть «Похождения пегого мерина», но при жизни не успел реализовать свой замысел. Л. Толстой не случайно посвятил свою повесть памяти М. Стаховича, отметив в авторских примечаниях, что именно он задумал «сюжет» повести о лошади [1, с. 7]. Термин «сюжет» в контексте авторского примечания имеет условный характер, очевидно, писатель имел в виду какие-то ключевые элементы фабулы будущего замысла.

Л. Толстой приступил к написанию повести в 1861 году, когда ему было всего 33 года, а продолжил работу над её текстом в 1885 году, в возрасте 57 лет, когда он находился на совершенно ином этапе своего творческого развития. «Переворот», происшедший в его сознании, не мог не сказаться на критическом пафосе произведения.

Писатель поведал в повести не просто историю породистой лошади, а лошади состарившейся, потерявшей силы, которая в молодости была полна энергии и своеобразной красоты. И ко всем трагическим моментам в жизни Холстомера был причастен человек, несмотря на всю его преданность тем, кому он принадлежал. Именно люди способствовали тому, что некогда здоровый, красивый, породистый конь превратился в развалину.

Повесть построена так, что, кроме автора-повествователя, важную роль в её нарративной структуре играет рассказчик, в роли которого выступает лошадь по прозвищу Холстомер. Факт сам по себе примечательный: писа-

тель сделал центральным образом произведения очеловеченного, одухотворённого коня. В повествование от имени автора вклинивается история жизни Холстомера, которую он в ночное время рассказывает другим лошадям. Такой композиционный приём позволяет автору передать мысли, чувства, переживания необычного рассказчика, что усиливает психологический характер произведения. Ведь истории, поведанные Холстомером на протяжении нескольких ночей, – это внутренние монологи персонажа, в которых содержится не только информация о его жизни, начиная от рождения, но и о его внутреннем состоянии, о его восприятии человеческого мира, его устройства, а также о тех, кому он принадлежал.

Автор передаёт гипотетический ход мыслей коня. Так, вспоминая о своём происхождении, старый Холстомер сообщает другим лошадям: «Да, я сын Любезного первого и Бабы. Имя моё по родословной Мужик первый. Я Мужик первый по родословной, я Холстомер по-уличному, прозванный так толпою за длинный и размашистый ход, равного которому не было в России. <...> Нет в мире лошади выше меня по крови» [1, с. 17]. Думается, что в этом монологе не случайно повторяется фраза «Мужик первый», которая преподносится как достоинство, и не случайно автор выбрал такое имя для своего героя, написав слово «Мужик» с большой буквы. В период перелома в мировоззрении писателя мужик был для него основой всего государственного устройства.

Трагедия животного начинается с момента его рождения. Несмотря на то, что его родители были чистокровными породистыми лошадьми, Холстомер родился пегим, то есть разношёрстным, уточнение «мастью он был вороно-пегий» [1, с. 17] подчёркивает сочетание в его окраске чёрного и белого цветов. Он был красив, но не такой, как все. Здесь также угадывается скрытая символика. Судьба Холстомера напоминает судьбу человека, который не вписывается в стандарты, принятые в обществе. Можно называть его по-разному: белая ворона, маргинал, лузер, аутсайдер; причиной его неудач является то, что он не такой, как все. При этом неважно, в чём это проявляется: в способе мышления, в физических недостатках, в талантах, которые не способна оценить толпа. Только что родившийся жеребёнок, пестрота которого нравилась другим лошадям и людям, любящим животных, с точки зрения конюшего, – «уродина», которую генерал не оставит на конном заводе.

Перенос психические свойства человека на животное, автор наделяет его способностью испытывать горе и радость. Так, причиной первого горя в жизни жеребёнка было то, что его мать постепенно охладела к нему, начала отталкивать от сосков, вела себя необычно и не огорчилась, когда её разлучили с её малышом. Поведение матери Холстомера в повести Л. Толстого напоминает поведение молодой женщины, ищущей любви. Здесь, как и в других фрагментах текста, писатель сознательно использует приём аллегории. Увидев свою мать после свиданий с Добрым, брошенный жеребёнок замечает, что она «помолодела и похорошела». Он понимает и чувствует, что «навсегда потерял любовь своей матери», и ему кажется, что причиной этого было то, что он пегий [1, с. 19].

Радости Холстомера также похожи на человеческие. «У меня были подруги и товарищи, мы вместе учились есть траву, ржать так же, как и большие, и, подняв хвосты, скакать кругами вокруг своих матерей. Это было счастливое время», – вспоминает герой повести [1, с. 20]. К счастливым моментам своей жизни Холстомер относит период, когда по примеру своего друга Милого он увлёкся любовью. Однако его первая любовь стала для него последней. Он почувствовал неладное, когда табунщик разлучил его с Вязопурихой и отделил от других лошадей. Недоброе предвещало и то, что генерал кричал на конюшего, а на следующий день, как сообщает Холстомер, он «навсегда перестал ржать» [1, с. 21], то есть перестал радоваться жизни. Л. Толстой не употребляет слов «кастрация», «кастрирован», но поскольку в предыдущих главах Холстомер неоднократно назван «старым мерином», читатель уже догадался, что речь идёт о кастрированной лошади, укрощённой, ставшей спокойной и покладистой. В подтексте повести угадывается мысль о том, что люди по своему усмотрению лишили коня возможности продолжить свой род.

Писатель передаёт гипотетическое состояние животного, оказавшегося в подобной ситуации. «Весь свет изменился в моих глазах, – говорит Холстомер. – Ничто мне не стало мило, я углубился в себя и стал размышлять. Сначала мне все было постыло. Я перестал даже пить, есть и ходить, а уж об игре и думать нечего» [1, с. 22]. На некоторое время Холстомер оказывается в изоляции. Его жизнь резко изменяется. Так, встретив табун лошадей, он слышит «весёлое гоготание маток», видит «знакомые, красивые, величественные, здоровые и сытые фигуры», ему хочется ответить на их ржание, но он смотрит на приближающийся табун, «как смотрят на навсегда потерянное и невозвратимое счастье» [1, с. 22].

Примечательно, что Л. Толстой, в жизни которого произошла переоценка ценностей, «переворот», наделяет способностью делать глубокомысленные выводы не князя Серпуховского или табунщика Нестера, а старого мерина. «Я уже и прежде показывал склонность к серьёзности и глубокомыслию, теперь же во мне сделался решительный переворот», – говорит он [1, с. 23]. Автор даёт длинный перечень вопросов, над которыми «задумывался» его странный персонаж. В частности, он размышляет о непостоянстве материнской и вообще женской любви и её зависимости от физических условий. «...И главное, – признаётся Холстомер, рассказывая о своей жизни другим лошадям, – я задумывался над свойствами той странной породы животных, с которыми мы так тесно связаны и которых мы называем людьми» [1, с. 23].

Итак, с точки зрения Холстомера, человек – странная порода животных. Всё дальнейшее повествование подтверждает этот горький вывод персонажа. Например, конюший, заботившийся о Холстомере, был жестоко избит за то, что «своего» жеребёнка проводывал чаще, чем графских. В связи с этим Холстомер «задумывается» над тем, что такое собственность, что значили слова «свой» и почему его называли собственностью человека: «Слова: моя лошадь, относимые ко мне, живой лошади, казались мне так же странны, как слова: моя земля, мой воздух, моя вода» [1, с. 24].

Л. Толстой приписывает лошади выводы о том, что люди в жизни руководствуются не делами, а словами, что наиболее важными среди этих слов являются «мой», «моя», «моё», которые они используют, говоря про землю, людей, лошадей. Холстомера удивляет то, что счастливейшим среди людей считается тот, кто может употребить слово «моё» относительно наибольшего количества вещей. Станным ему кажется также то, что «своей» лошастью его называли совсем не те, кто о нём заботился, кормил и поил его. В размышлениях Холстомера о роли собственности угадывается точка зрения автора. В восприятии лошади понятие «моё» означает «низкий и животный людской инстинкт», называемый людьми «правом собственности» [1, с. 23–24]. Толстовский Холстомер не просто очеловеченный конь, это лошадь-философ, критически оценивающая жизнь людей и человеческого общества в целом.

Очень скоро Холстомер узнал, что означает быть собственностью. После того, как он обогнал на скачках графского коня Лебеда, его продали вначале барышнику, затем его купил гусарский офицер, которого Холстомер любил. Описывая отношение лошади к этому владельцу, писатель передаёт такую особенность гипотетической психологии коня, как его неограниченную преданность своему хозяину, несмотря ни на что. «Мне нравилось в нём именно то, что он был красив, счастлив, богат и потому никого не любил, – вспоминает Холстомер. – Вы понимаете это наше высокое лошадиное чувство. Его холодность, его жестокость, моя зависимость от него придавали особенную силу моей любви к нему. Убей, загони меня, думал я, бывало, в наши хорошие времена, я тем буду счастливее» [1, с. 28]. Странность и парадоксальность ситуации заключается в том, что и хозяина, и кучера, которые ничего не боялись и никого не любили, кроме самих себя, окружающие любили за то, что они красавцы и эгоисты.

Имя гусарского офицера, которому принадлежал Холстомер, Л. Толстой назовёт позже и покажет его в зрелом возрасте. Это князь Никита Серпуховский, опустившийся, толстый, плешивый, промотавший к сорока годам состояние в два миллиона. А тогда, в молодости, догоняя свою любовницу, молодой гусар не жалел преданного ему коня, он угробил его ноги, копыта, после чего Холстомер перестал быть тем рысаком, каким был раньше. Находясь в светском окружении, Серпуховский вспоминает о том, как в 1842 году, когда ему было 25 лет, он купил у барышника лошадь, которую знала вся Москва как прекрасного рысака. Однако, спустя годы, увидев старого, больного Холстомера среди других лошадей на конном заводе, он не узнал его.

Толстой подчёркивает жестокость людей по отношению к животным, особенно тех, кому они принадлежали. Ведь каждый последующий владелец Холстомера вносил свою лепту в то, чтобы приблизить его кончину, и никто из его хозяев не ценил и не понимал того, что цель и смысл жизни этого необычного коня заключались в служении людям. Этот вывод касается не только молодого князя Серпуховского. Не лучшим образом по отношению к животному вели себя барышник, который сёк и плохо кормил Холстомера, крестьянин, который подрезал ему ногу, а также цыган, который мучил его. Повесть заканчивается описанием последних мгновений жизни состарившегося, больного Холстомера.

Кроме проблем собственности, отношения человека к животному, есть в повести Толстого ещё одна важная общечеловеческая проблема – отношение к старости. Автор раскрывает её, описывая табун лошадей, стадо, символизирующее человеческое общество, в котором господствуют стадные инстинкты. Так, в самом начале произведения, используя приём ретроспекции, Л. Толстой изображает Холстомера как отверженного стадом и человеческим обществом, потому что он старый и больной, его ресурс исчерпан и он больше не может приносить пользу. В стаде своя иерархия: матки, сосунки, жеребцы, молодые кобылки, с одной стороны, и с другой – старые лошади, такие как Холстомер, Жулдыба и Вязипуриха. Автор подчёркивает, что в стаде главенствуют, доминируют молодые и сильные. В начале повести он неоднократно повторяет словосочетание «молодые кобылки», которые противостоят старым лошадям. Есть среди них и «бурая кобылка, забияка, всегда дразнившая старика и делавшая ему всякие неприятности» [1, с. 10].

Автор-повествователь размышляет о том, какой бывает старость. «Бывает старость величественная, бывает гадкая, бывает жалкая старость. Бывает и гадкая и величественная вместе. Старость пегого мерина была именно такого рода», – замечает Л. Толстой, описывая далее, как неприглядно выглядел Холстомер в старости [1, с. 11].

Многие детали внешности старой лошади имеют натуралистический характер, но для нас важно то, какую роль в этом описании играют элементы персонификации. Ведь по отношению к мерину Л. Толстой употребляет такие формулировки, как «выражение лица», которое, как и у человека, «было строго-терпеливое, глубоко-мысленное и страдальческое». «Действительно, – указывает автор, – было что-то величественное в фигуре этой лошади и в страшном соединении в ней отталкивающих признаков дряхлости, усиленной пестротой шерсти, и приёмов и выражения самоуверенности и спокойствия сознательной красоты и силы» [1, с. 12]. Несмотря на весь натурализм в описании старого мерина, следует признать, что автор делает акцент на том, что его старость была «величественная», в отличие от старости Никиты Серпуховского. Приём антитезы является одним из ключевых в построении повести. Бесцельная жизнь барина Серпуховского противопоставлена в повести жизни животного, смысл которой – в труде и служении. Господин Серпуховский, ублажая свои инстинкты, с годами «оскотинился», его поведение и внешность приобрели черты животного: у него не живот, а «брюхо», а старость его названа, в отличие от старости Холстомера, «грязной». Так, Серпуховский, находясь в гостях, вынужден признать, что много врал за столом, он называет себя «свиньёй» в одном из своих монологов. Напившись, он «повалился и захрапел, наполняя всю комнату запахом табаку, вина и грязной старости» [1, с. 38].

Необычная, новаторская повесть Л. Толстого «Холстомер» имеет те же стилевые особенности, что и другие его произведения. Отличительной особенностью стиля писателя является психологический анализ. Это заметил ещё Н. Чернышевский. В рецензии на первые сборники произведений Л. Толстого, появившиеся в печати, критик назвал среди его художественных открытий «диалектику души» и «чистоту нравственного чувства». При этом

Н. Чернышевский подчеркнул, что психологический анализ – важная черта таланта Л. Толстого: «Он не ограничивается изображением результатов психологического процесса: его интересует самый процесс...»; «Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни мысли и чувства развиваются из других...» [4, с. 246, 241]. Эту неразрывную взаимосвязь мыслей, чувств, переживаний в произведениях писателя критик определил как «диалектику души». В изображении Холстомера и его исповеди мы также наблюдаем интерес автора к психическому процессу, происходящему в душе персонажа. Персонифицируя образ животного, автор наделяет его человеческими переживаниями и делает читателя свидетелем этих переживаний. «В «Холстомере» поэтическое очарование, выраженное словом, вызывает то, что называют эффектом присутствия...», – замечает современный исследователь Г. Филановский [3].

Итак, в повести Л. Толстого «Холстомер» два плана, два мира – мир животных и человеческий мир, которые тесно взаимосвязаны. Животное даётся в ней в восприятии человека, оно одухотворено, очеловечено, персонифицировано, а человек – в восприятии животного. При этом Холстомер выглядит более гуманным и привлекательным, нежели те, кому он принадлежал. Важной заслугой Л. Толстого является то, что он одним из первых в мировой литературе попытался воспроизвести гипотетическую психологию животного, в частности лошади, персонифицировав этот образ, наделив его способностью думать, делать глубокомысленные умозаключения и произносить длинные внутренние монологи.

Литература:

1. Толстой Л.Н. Холстомер / Л.Н. Толстой // Л.Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. / Л.Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1982. – Т. 12 : Повести и рассказы. 1885–1902. – 1982. – С. 7–42.
2. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика : [учебное пособие] / Б.В. Томашевский ; вступ. статья Н.Д. Тармарченко ; коммент. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тармарченко. – М. : Аспект-Пресс, 1999. – 334 с.
3. Филановский Г. О «Холстомере» Льва Толстого / Г. Филановский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.g-filanovskiy.narod.ru/o-holstomere-lva-tolstogo.html.
4. Чернышевский Н.Г. «Детство и отрочество». Сочинения графа Л.Н. Толстого. «Военные рассказы» графа Л.Н. Толстого / Н.Г. Чернышевский // Критика 50-х годов XIX века / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Л.И. Соболева. – М. : ООО «Изд-во «Олимп» ; ООО «Изд-во АСТ», 2002. – С. 239–255.
5. Шкловский В.Б. Искусство как приём / В.Б. Шкловский // Виктор Шкловский. О теории прозы. – М. : Федерация, 1929. – С. 7–23.

Аннотация

В. МАЦАПУРА. ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛОШАДИ И СТАДА В ФИЛОСОФСКОЙ ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ХОЛСТОМЕР»

В статье раскрывается новаторский характер повести Л. Толстого «Холстомер», концентрируется внимание на ее поэтике, социально-философской проблематике и специфике психологизма, поскольку названные аспекты не нашли достаточного освещения в литературоведческих исследованиях. Проанализирована роль внутренних монологов, приемов остранения, эстетического антропоморфизма, аллегории в художественной структуре повести.

Ключевые слова: философская повесть, психологизм, внутренние монологи, антропоморфизм, персонификация, аллегория, остранение.

Анотація

В. МАЦАПУРА. ГИПОТЕТИЧНА ПСИХОЛОГІЯ КОНЯ Й ЧЕРЕДИ У ФІЛОСОФСЬКІЙ ПОВІСТІ Л. ТОЛСТОГО «ХОЛСТОМІР»

У статті розкривається новаторський характер повісті Л. Толстого «Холстомер», зосереджується увага на поетиці, специфіці психологічного зображення та соціально-філософській проблематиці вказаного твору, оскільки зазначені аспекти достатньо не висвітлені в літературознавчих дослідженнях. Проаналізовано роль внутрішніх монологів, прийомів одивнення, естетичного антропоморфізму, алегорії в художній структурі повісті.

Ключові слова: філософська повість, психологізм, внутрішні монологи, антропоморфізм, персоніфікація, алегорія, одивнення.

Summary

V. MATSAPURA. HYPOTHETIC PSYCHOLOGY OF THE HORSE AND HERD IN THE PHILOSOPHIC NARRATIVE “KHOLSTOMER” BY LEO TOLSTOY

The author of the article discloses the innovative character of the story “Kholstomer” by L. Tolstoy, concentrating attention on its poetics, specifics of psychologism depiction, social and philosophical range of problems, which were arisen in the above mentioned story. These aspects haven't been considered enough in the literary researches. In article the author analyses the role of internal monologues, methods of defamiliarization, esthetic anthropomorphism and allegory in the art structure of the story.

Key words: philosophic narrative, psychologism, inner monologues (interior monologues), pathetic fallacy (anthropomorphism), prosopopoeial, allegory, defamiliarization method.